

Мария Горяинова

СТРУНЫ
ПРОШЛОГО:

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
Издательский проект ЧтецЪ
2020

Горяинова, М. И.

Струны прошлого: воспоминания. М. :
Издательский проект ЧтецЪ, 2020. — 428 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием и распространением книг обращайтесь по электронной почте: order@4tets.ru.

© М. И. Горяинова, наследники, текст

© Издательский проект ЧтецЪ (4tets Rare Books), обложка, оформление, оцифровка

Содержание

Вундеркинд с именем-палиндромом. <i>А. Кравцов</i>	5
Литературные замѣтки. <i>Б. Каменецкий</i>	26
Струны прошлого	33
Арабески	229
Сирень цвела	297

Издательский коллектив выражает признательность

Ольге Сергеевне Митькиной,
автору книги "Дерновка" (Москва, 2020),
и Ксении Юрьевне Щербаковой,
художественному оформителю данной книги,
за помощь в подготовке издания

ВУНДЕРКИНД С ИМЕНЕМ-ПАЛИНДРОМОМ

Как отмечает исследователь русской книги П.Н. Базанов монархическое направление издательства «Град Китеж» определило то, что важное место в его деятельности занимало издание политической книги и мемуаров¹. Когда в 1925 году здесь вышли воспоминания Марии Горяиновой «Струны прошлого», то ее автор оказалась в компании таких известных литераторов, как И.А. Ильин, Н.Н. Головин, Н.А. Лаппо-Данилевская, Н.Н. Брешко-Брешковский и др. Видимо, публикации в этом издательстве не в последнюю очередь способствовало то, что в книге Горяиновой фигурируют императрица Александра Федоровна и классик литературы Л.Н. Толстой. Хотя именно воспроизведенные автором диалоги Льва Николаевича с Ириной Горяиновой в свое время вызвали наибольшую критику в эмигрантской печати. В рецензии на книгу в берлинской газете «Руль» Юлий Айхенвальд справедливо замечал, что автор «в характере своего изложения высоко над протоколом не поднялась»². Вместе с тем то, что столь значительный критик заметил воспоминания Горяиновой и отозвался на них, тут же вывело ее книгу из разряда «вырождающейся» литературы³. В ответ Горяинова поспешила поблагодарить Айхенвальда, о чем свидетельствуют ее письма к нему, ныне находящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства⁴. Из этих писем видно, что писательница сильно сомневалась в том, стоит ли продолжать писать и обращалась к Айхенвальду с просьбой помочь оценить ее произведения. Копии писем помещены в приложении к данной статье.

¹ Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» // Вестник СПбГУКИ. № 3 (20). СПб., 2014. С. 72.

² Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. № 1304. Берлин, 18.03.1925. С. 2.

³ Именно так назвала З. Гиппиус ряд воспоминаний, вышедших в 1920-е гг. в эмиграции. Подр. см. в: Крайний А. [Гиппиус З.Н.]. Печальное вырождение // Последние Новости. Париж, 1925. 5 февраля. № 1467. С. 2.

⁴ РГАЛИ. Фонд 1175, оп. 2, ед. хр. 116.

Вместе с тем дать оценку ее литературным опытам не так просто. Хотя бы потому, что до публикации воспоминаний «Струны прошлого» под ее авторством вышли лишь две тоненькие книги — «Арабески» (1923) и «Сирень цвела» (1924), которые вполне можно назвать пробой пера.

Как известно, арабесками называют орнаменты в живописи, причудливое сочетание форм, цветов, животных, чудовищ, архитектурных элементов, созданных фантазией художника. Больше всего под это понятие подходят восточные украшения, носящие скорее фантастический характер. Исходя из этого, можно предположить, что Горяинова хотела настроить читателя на пестрый и разнообразный стиль ее рассказов, составивших данный сборник, и в то же время заявить о его фантастичности, выдумке. Однако это не совсем так, поскольку почти все герои книги взяты из до-эмигрантской жизни автора. К тому же имена некоторых из них легко обнаруживаются среди аристократического круга Горяиновой.

Так, в первом рассказе «Тихий вечер» автор вводит читателя в дом своей подруги Зинаиды Сергеевны Сабуровой. Это никто иная, как баронесса З.И. Искрицкая, урожденная Долгово-Сабурова, которая в эмиграции жила также в Берлине, а ныне покоится на одном с писательницей кладбище. Описание ее семьи под пером Горяиновой в точности совпадает с фактами биографии Искрицкой, что подтверждает мемуарный характер рассказа. Среди 12 произведений сборника нашлось место для домашних любимцев («Чангушёк»), отрицательных типажей («Гадючка»), близких подруг («Тихий вечер», «Хамелеон»), и даже для Императора («Яркий миг»). Описательные иллюстрации иногда дополнены рисунками неизвестного автора, вполне возможно, что самой Горяиновой. Таким образом, все ее рассказы – это штрихи и детали, чуть заметные моменты, которые усиливаются памятью автора и уносят читателя вместе с ней в прошлое, из которого автор заимствует желание прижаться «к нашей великой страдалице – родной, некогда такой могучей – России!». Это и арабески ярких русских натур, писанных с широты русских же полей («Усы мои усы», «Степной волк»).

В русской литературе за 100 лет до Горяиновой название сборника рассказов «Арабески» уже прозвучало у Н.В. Гоголя, но можно ли увидеть в этом подражание классику? Скорее всего, нет, поскольку Гоголь соединил в своей книге не только художественные, но и научные, публицистические и искусствоведческие произведения. Горяинова же стремилась, скорее всего, просто подобрать звучный синоним своим «пестрым» рассказам.

Второй ее сборник «Сирень цвела» носит романтический характер и определенный гендерный оттенок, в рассказах которого женщины страдают от несчастной любви и обстоятельств судьбы, не дающих им наслаждаться полнотой жизни. Однако не является ли страдание одной из составляющих многогранной жизни любого человека? Вариативный литературный образ сирени, несомненно, заимствован автором из всем известных произведений русской лирики XIX века, в частности, книг И.С. Тургенева, где помимо пробуждения чувств героев, сирень может выступать как предвестник разлуки («Вешние воды»), так и сулить семейное счастье («Отцы и дети»). В рассказе А.И. Куприна «Куст сирени» это мифологическое растение становится воплощением истинной супружеской любви.

У Горяиновой же неповторимый аромат во время цветения сирени врезается в сознание героев, чтобы надолго остаться с ними. Развитие сюжетов всех пяти рассказов сборника ожидаемо, хотя и не всегда полностью предсказуемо. Впрочем, как и судьба самой Горяиновой, посвятившей многие годы развитию музыкальных способностей дочери Ирины, что, несомненно, нашло отражение в ее художественных произведениях.

Отдельно стоит отметить поэтическое восприятие автором Петербурга в желтом цвете⁵, что перекликается, скажем, со стихотворением И.Ф. Анненского («Петербург»⁶) и беллетри-

⁵ Горяинова М. Сирень цвела... Берлин, 1924. С. 46.

⁶ «Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты...» (И. Анненский. Петербург).

зованными воспоминаниями другой эмигрантской писательницы Марии Веги («Бронзовые часы»⁷).

Если задаться целью изучить биографию Марии Ивановны Горяиновой, то в настоящее время о ней можно найти лишь скудные строчки в справочниках, посвященных литераторам русского зарубежья. Несколько любопытных уточнений о ее семейной жизни сообщает в своем блоге историк Сергей Владимирович Фомин.

Он пишет, что Мария Ивановна Брониковская родилась в 1872 г. В первом браке состояла замужем за офицером Бирюковым, от которого родила дочь Ирину (1897-1980). «Вскоре после ее рождения родители развелись, и Мария Ивановна снова вышла замуж за офицера Алексея Алексеевича Горяинова (1872-1935), удочерившего Ирину. Но и новый брак длился недолго. Вскоре после развода А.А. Горяинов вторично женился на княжне Чагадаевой, а Мария Ивановна стала еще больше уделять внимания дочери, серьезно занимавшейся музыкой с известными специалистами»⁸.

Ее усилия были не напрасными, поскольку дочь проявила в детстве недюжинные музыкальные способности и выступала как вундеркинд под сценическим псевдонимом-палиндромом Ирина Энери (Irene Eperi) во многих домах высшего общества – от Ясной Поляны до Царского Села. Сохранившиеся в архивах (РГАЛИ и ГАРФ) афиши и газетные объявления свидетельствует о благотворном и восторженном приеме незаурядного таланта как в России, так и за границей. Уже в шесть лет ею были сочинены собственные партитуры, изданные под именем Чагадаева (Tschagadaeff)⁹.

В пользу ее известности говорит и тот факт, что Энери упоминается в одном из стихотворений Николая Гумилева:

⁷ Вега М. Бронзовые часы // Возрождение. Номер 71. Париж, ноябрь 1957. С. 116-117.

⁸ Фомин С.В. Григорий Распутин: убийство. Сергей Михайлович Сухотин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sergey-v-fomin.livejournal.com/24974.html> (дата обращения: 21.08.2020).

⁹ *Princesse Irène Tschagadaeff*. Fleurs de printemps. Huit morceaux. Leipzig: Wasenius, 1904.

*...Но прелесть ясная живет в сознаныи,
Что хрупки так оковы бытия,
Как будто женственно все мирозданье
И управляю им всецело я,
Когда промчится вихрь, заплещут воды,
Зальются птицы в таяньи зари,
То слышится в гармонии природы
Мне музыка Ирины Энери¹⁰.*

В августе 1909 г. юная пианистка играла для писателя Л.Н. Толстого. Присутствовавший при этом ближайший сотрудник графа записал в дневнике свои впечатления: «Ирина – очень энергичная и смелая, самостоятельная. <...> Играет очень спокойно, и техника у нее удивительная». При этом он заметил важную черту юной исполнительницы: «...Ирина не принимала к сердцу похвалу, не смущалась, не сияла удовлетворенной гордостью». Лев Николаевич отнесся к ней по-родственному, «как дед: поцеловал ее на прощанье». Позднее между ними состоялся примечательный разговор, нашедший свое отражение в книге Горяиновой:

«– Как мне хочется скорее быть большой и скорее выйти замуж.

– Ты никогда не должна выходить замуж.

– Нет, я хочу непременно выйти замуж, чтобы иметь детей, которых мама будет воспитывать, и выберу себе хорошего мужа, доброго и который будет любить музыку.

– Если тебе уже непременно надо будет выйти замуж, то выходи не тогда, когда «хочу замуж», а когда «не могу не выйти». А хорошего мужа найти также трудно, как найти

¹⁰ Гумилев Н. Священные плывут и тают ночи... / Гумилев Н. Сочинения в трех томах. Том I. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1991.

лучшее зерно из целого воза зерен. Все кажутся хороши. Если ты хочешь быть счастливой, то выучись одному: всех любить и не иметь даже дурной мысли против ближнего. Когда я слышу, как о ком-нибудь говорят дурно, например – ах, какой он противный, – я сейчас же спрашиваю: противнее вас? И тот, кто осуждает, сконфузившись, молчит. И если бы ты знала, как чувствуешь себя легко, когда всех любишь, всем желаешь добра, никого не судишь».¹¹

Посещения Ясной Поляны не прошли бесследно для Ирины, ведь, именно за внука Л.Н. Толстого, поручика Сергея Михайловича Сухотина (1887-1926), она впоследствии выйдет замуж. Правда, он доводился русскому писателю приемным внуком и воспитывался старшей дочерью писателя Татьяной Львовной Толстой. Она вышла замуж за отца Сергея — Михаила Сухотина (1850-1914) — вскоре после смерти его супруги, баронессы М.М. Боден-Колычевой. К сожалению, брак Ирины Энери и Сергея Сухотина был недолговечен. Как известно, Сухотин был замешан в убийстве Григория Распутина. Его роль в этом деле до конца не прояснена, как и собственно участие, тщательно скрывавшееся некоторыми из мемуаристов. Так, в воспоминаниях Пуришкевича 1924 г. он фигурирует как загадочный «поручик С.», хотя в записках князя Ф.Ф. Юсупова 1927 г. назван уже полным именем. Другой автор — князь П.П. Ишеев указывает на Сухотина как на истинного убийцу Распутина, при этом объясняя причины скрытности остальных участников: «...Но, чтобы его не подвести, об этом решили скрыть и держать в секрете, а его выстрелы принял на себя Пуришкевич, — иначе ему бы не поздоровилось. Если Великий Князь Димитрий Павлович был сослан в Персию, то что бы сделали с простым поручиком?»¹²

После Октября 1917 г. Сухотин остался в Петрограде, где работал в Отделе заграничных металлов Главного управления по распределению металлов (РАСМЕКО). В ноябре 1918 г. «за подрыв экономики государства» он был приговорен

¹¹ *Горяинова М.* Струны прошлого. Берлин: Град Китеж, [1926]. С. 38-39.

¹² *Ишеев П. П., князь.* Осколки прошлого. Воспоминания. 1889-1959. Нью-Йорк, 1959. С. 115-116.